
I. ROZPRAWY I ANALIZY

DOI: 10.17951/et.2023.35.71

Галина Кабакова

Университет Сорбонна, Париж, Франция

ORCID:

e-mail: galina.kabakova@sorbonne-universite.fr

Язык и речь в сказках Евразии.

Часть 1. Язык животных, растений и предметов

Language and speech in Eurasian tales.

Part 1. The language of animals, plants, and objects

Abstract: In research on tales, the problems of language, speech, communication, or its rejection are rarely the main focus. Most research has been carried out on the language of animals. However, animals, plants, meteorological phenomena and cultural artifacts use language and speech not only in magical tales but also those of other kinds, mainly animal tales, anecdote-tales, and etiological tales. This study surveys the motif of language in various kinds of tales.

Key words: fairy tale; communication; language of animals, plants and objects

Язык и речь, коммуникация или отказ от нее редко воспринимаются как отдельная тематика при изучении сказок. Мы бы хотели начать с ее более изученного аспекта, а именно языка животных и растений и их коммуникативных связей с человеком, оставляя за рамками исследования содержание речевых актов. В самом деле мотив языка птиц и животных в сказках и мифологии не раз привлекал внимание ученых, начиная с Теодора Бенфея и Джеймса Дж. Фрэзера (Benfay 1864; Frazer 1888), а отдельные сказочные сюжеты, связанные с постижением этого тайного языка, стали предметом монографических исследований¹. При

¹ Волшебным сказкам с мотивом языка животных были посвящены обстоятельные монографии: Aarne 1914; Roheim 1992; а также статьи Veunen 1978; Veunen 1990. Из последних работ упомянем диссертацию Fourcade 2004.

этом, как правило, в поле зрения попадает корпус волшебных сказок, где владение языком птиц предстает как волшебный дар, открывающий путь к успеху, но в то же время и представляющий опасность для его обладателя. Однако животные, растения, метеорологические явления и культурные предметы высказываются не только в волшебных сказках, но и в других видах сказок: прежде всего в сказках о животных, в сказках-анекдотах и в этиологических сказках. В нашу задачу входит проследить, как по-разному мотив языка разрабатывается в разных видах сказок.

Золотой век

Тотальное владение речью и столь же тотальное ее восприятие всеми персонажами представляются на первый взгляд характерной особенностью условного сказочного мира. Герои прислушиваются к благодарным животным, растения разоблачают преступников, предметы предупреждают об опасности, одним словом, языковой барьер в этом мире отсутствует. Однако если такая картина характерна для большого количества сказочных текстов, в отдельных сказках и сказочных типах языковая проблема все же возникает.

Отсутствие специфических языков, всеобщее взаимопонимание между людьми и окружающей их живой и неживой природой предстают как золотой век человечества. Широко распространенная инициальная формула времени «когда звери говорили»², ср. румын. «Cînd toate animalele laolaltă trăiau și ele vorbeau» [Когда все животные вместе жили и разговаривали] (Рошияну 1979: 25) отсылает к идеальному сказочному прошлому. Правда, румынский фольклорист толкует некоторые подобные формулы как содержащие заведомо невозможные элементы, в таком случае, по его мнению, такой зачин может восприниматься как отрицание достоверности повествования: каталан. «En aquells temps que les besties parlaven, els arbres cantaven i les pedres caminaven» [В то время, когда звери говорили, деревья пели, а камни ходили] (Рошияну 1979: 29). С нашей точки зрения, все эти мотивы содержатся в этиологическом корпусе разных народов, поэтому считать их невозможными было бы неправильно.

Иными словами, все изначальное мироздание наделяется свойствами, ныне присущими лишь человеку, среди которых дар речи предстает одним из важнейших.

² Формула часто становится названием сборников сказок, как, например, у Ивана Франко «Коли ще звірі говорили», 1899 г.

Эта идея тотальной способности мира к высказыванию на языке человека может быть проиллюстрирована на примере зачина сказки братьев Гримм «Королек», позаимствованной у Йоханна Якоба Муссеуса:

В стародавние времена у каждого звука было свое значение. Когда громыхал кузнечный молот, он выкликал: – *Smiet mi to! Smiet mi to!* [При-кле-пать! При-кле-пать!] Когда поскрипывал плотничий рубанок, он говорил: – *Dor häst! dor, dor häst!* [Ты строгай! Ты строгай! Ты строгай!] А когда начинали постукивать мельничные колеса, они говорили: – *Help, Herr Gott!* [Бог на помощь! Бог на помощь!] А если мельник оказывался обманщиком, они говаривали верхненемецким говорком и спрашивали поначалу медленно: *Wer ist da? Wer ist da?* [Кто там? Кто там?] – а потом быстро отвечали: *Der Müller! Der Müller!* [Мельник! Мельник!] – и наконец совсем быстро, скороговоркой: *Stiehlt tapfer, stiehlt tapfer, vom Achtel drei Sechter* [Крадет дерзко, крадет дерзко, да с восьмушки три шестых!] В те времена у птиц был тоже свой язык, и его понимал всякий, а теперь он звучит как щебет, писк или посвист, а у иных – как музыка без слов.» (Гримм, Гримм, 1978: 440).

И хотя мельничные колеса переходят с нижненемецкого на верхненемецкий, все же предполагается, что не только читателю, но и виртуальному слушателю внутри текста доступны их реплики. Сказка относится к типу ATU 221 «Выборы царя птиц» в его двух разновидностях ATU 221A «Испытание: кто взлетит выше всех» и ATU 221B «Кто спустится глубже всех в землю» и повествует о том, как царем птиц чуть не стала самая маленькая птица – королек и откуда возникло ее название.

Однако гриммовское вступление с репликами разных предметов носит исключительный характер. Более стереотипным предстает описание прежнего многоголосого мира и сожаление об утрате его тотальной интеллигибельности: прежде понятный для всех язык птиц стал восприниматься как простой щебет, лишенный смысла. Сказки называют две причины ее утраты.

Первая отсылает к лени человека, его нежеланию вслушиваться в речь живой природы: пол. *Za bardzo dawnych czasów, wtedy, kiedy drzewa mówiły, rzeki przemawiały, to i ptaki gadały. Trzeba było ino umieć dobrze słuchać. Teraz to ludzie nic nie usłyszą, bo słuchać nie potrafią!* [В очень древние времена, когда деревья говорили, реки разговаривали, то и птицы болтали. Надо было уметь их слушать. Сейчас люди ничего не услышат, поскольку не хотят слушать!] (Simonides 2010: 67). Однако нежелание человека в силу лени взаимодействовать с природой не становится сюжетообразующим мотивом. Напротив того, вторая причина – лишение животных и растений человеческой речи – разрабатывается в мотивах МТ А 2422 «Как животное потеряло голос (или дар речи)» и А2791.1 «Почему деревья не разговаривают», представленных в большом корпусе этиологических текстов.

В сказках чаще всего способность говорить предстает как свойство имманентное и присущее животным изначально. Однако в отдельных этиологических сказках, относящихся к народной Библии, может упоминаться процесс создания говорящих животных или их наделение языком, общим для всех животных. Так, только одна птица опаздывает на раздачу к творцу и остается навсегда при своем изначальноем крике «куку» (венг.) (Lammel, Nagy 2006: 32). То есть надо понимать, что ономотопея и была праязыком или, точнее «недоязыком», который и сохранила нерасторопная кукушка.

В исключительных случаях создание отдельных говорящих творений приписывается антагонисту Бога Аспиду. Так, в одном украинском тексте, испытавшем влияние апокрифического рассказа о глиняных птичках Христа, он крадет кусочек глины, из которой Господь сотворил человека, лепит из него глиняную птицу. И подражая Богу, оживившему Адама, он выражает пожелание, чтобы из птицы вылетело сорок птиц, говорящих по-человечески и летающих быстрее лошади. У него получилась сорока, отчего Аспид возгордился, «отложился от Бога», был за это сброшен с неба и назван Люцифером (киев.). (ср. АТУ 773 «Соперничество Бога и дьявола» (Зеленин 1915: 622). Данная этиология служит объяснением дурной репутации сороки в славянской традиции и ее связи с нечистой силой (Гура 1997: 556–568).

В традиции мидрашей предполагалось, что в раю животные говорили на своем языке, но без труда понимали человека до грехопадения (МТ В212.0.2) и что Ева владела их языком и обучила ему Адама (МТ В217.8) (Ginzberg 1997: 55, 213). В русской этиологической легенде, напротив того, Адам и Ева научили говорить животных в раю (тул.) (Колчин 1899: 60).

В народной Библии начало овладения речью животными может быть связано с главным событием христианской истории – рождением Христа. В католической Европе в рождественских песнях и в сказках именно животные и птицы возвещают всему свету о радостной новости (Badalanova Geller 2018: 443).

В каталонской сказке радость зверей и птиц по случаю рождества Спасителя столь велика, что они смогли облечь ее в слова. С тех пор каждый год они вновь обретают этот дар в рождественскую ночь (Valriu 2015: 108–109). Мотив разговора животных в эту ночь, но без изначальной мотивировки широко известен (МТ В251.1) и, как правило, развивается в сказке АТУ 671D* «Умереть на следующий день» (МТ В251.1.2). Речи домашних животных оказываются роковыми для подслушавшего их человека: он узнает из них о своей скорой смерти. Но

в некоторых традициях только избранные – хорошие люди могут понять разговор животных и узнать, что их ждет в будущем году и как избежать несчастий (босн.) (Русић 1954: 46; Шмитек 2017: 22).

Утрата общего языка

Рождество Христово в этиологическом дискурсе предстает основополагающим событием, отделяющим изначальное мифическое время от исторического. Восточные славяне связывают с появлением Христа и распространением его учения исчезновение на земле нечистой силы, прекращение роста камней, т. е. земля приобретает свой окончательный облик. У словенцев этот окончательный образ связывается и с концом тотальной интеллигибельности: «В прошлом все предметы, все говорили, а затем, когда явился Господь, когда он родился, все изменилось» (Šmitek 2013: 147).

Вместе с тем подобная интерпретация встречается нечасто. Гораздо более универсальной предстает версия о коренном изменении в отношениях между людьми и окружающей их природой в начале времен. Апокрифическая Книга юбилеев объясняет, что утрата общего языка произошла в момент изгнания людей из рая: «И в тот день заключились уста всех зверей, и скота, и птиц, и того, что ходит (ногами), и того, что движется, так что они не могли более говорить, ибо до сего все они говорили между собою одними устами и одним языком» (3: 28–30). Этот мотив присутствует и в арабской традиции (El-Shamy A1101.2.3.1\$), сохранился он и в славянской, например, русской и боснийской: по изгнанию из рая животные перестали говорить и повиноваться людям (Колчин 1899: 60; Шмитек 2017: 22). Таким образом в авраамических традициях вина за утрату речи животными и прекращение коммуникации с ними возлагается на первых людей.

В других культурах отказ от коммуникации с человеком представлен как выбор самих животных в ответ на неправильное поведение человека. Пахарь нарушил обещание и не давал волам напиться. С тех пор волы больше не разговаривают с человеком (Харьяна, Индия) (Chaudhury, Srivastava 1974: 94).

По вине людей перестали говорить и деревья. В эстонской сказки о говорящих деревьях человек отказывается рубить деревья и в награду получает от лешего волшебную палочку. Но потомки лесоруба злоупотребили ее магической силой, пожелав, чтобы солнце спустилось на

землю. Оно спалило все хозяйство глупцов, а деревья от страха навеки онемели (Dido 1893: 485–486)³.

Однако в подавляющем большинстве этиологических текстов вина за утрату языка перекладывается на животных и растения. Высшая сила карает их за неуместные речи и неправильное поведение. Бог в таких случаях выступает защитником интересов человека. Пока животные или деревья говорят с человеком на одном языке, они вызывают у него эмпатию, что входит в конфликт с его потребностями. В индийской сказке бог отнял дар речи у зверей, потому что люди отказывались убивать их и употреблять в пищу (Ассам Хил) (ТВ В210.3). В большинстве вариантов уже упомянутой сказки о деревьях Бог или Христос самостоятельно или по просьбе людей лишает их языка, чтобы людям было чем топить дома (лит., эст., пол., словен.) (Jannsen 1888/1889: 316–317; Кербелите 1.2.1.10; Simonides 2010: 111; Šmitek 2013: 147). В латышском варианте той же сказки происходит контаминация с типом АТУ 555 «Рыбак и его жена»: в наказание за непомерные претензии крестьянина, пожелавшего стать Богом, липа превращает его в медведя; а Бог за превышение ею полномочий волшебного помощника лишает все деревья дара речи (Погодин 1895: 431–432).

Коммуникация между человеком и природой прекращается не только из-за риска эмпатии. В арабской сказке волы упрекают Адама в начале земного пути за то, что он их бьет и ставят ему в укор его непослушание Богу, по его жалобе Бог лишает всех зверей языка (Basset 1926: 15). Во фламандской сказке Бог лишает животных дара речи за то, что в ковчеге они устраивают заговор против Ноя и его семьи, в литовской сказке Бог вырывает язык у комара, клеветующего на человека (Van den Berg 2000: 73; Kerbelite 1.2.1.10)⁴.

Жалобы Богу на человека и непомерные претензии также могут привести к утрате языка не только у одного вида, но и у всего животного царства. Овца пожаловалась на обращение с ней человека и потребовала, чтобы Бог сделал ее старшей на земле. Он поставил свои условия, и когда овца отказалась, Бог отнял дар речи и у нее, и у всех животных (укр. гуцул.) (ВЭСЛ 2019: 99). К подобному наказанию может, наоборот, привести слишком благосклонное к человеку поведение животного: Ал-

³ В сказке бушменов люди также выступают нарушителями запрета: на этот раз разводить огонь до рассвета. Звери от страха теряют навсегда дар речи и убегают в джунгли (Stow 1905: 130–131).

⁴ Доносчиков не любят и на других континентах. В мифологии индейцев зуни Ахаю'да, бог войны, лишает собак дара речи за то, что они обличали прелюбодеяния женщин (MT A2237.1.1).

лах лишает дара речи голубя за то, что он подсказал людям запастись хлебом в преддверии голода (босн.) (Гура 1997: 614).

Причиной утраты общего языка может стать и неправильное поведение обитателей животного и растительного царства по отношению друг к другу⁵. Изначально все растения рассказывали человеку, от какой болезни они лечат. Но когда бодяк сказал: «Я лечу от поноса», все стали над ним насмехаться, за что Бог лишил их голоса. По мнению Змаго Шмитека, конфликт возник из-за «личности» персонажа: культурные растения не могли всерьез воспринимать речи сорняка (Šmitek 2013: 148–149). Возможно и другое объяснение: насмешки вызвала «низкая» болезнь, на которой «специализировался» бодяк и которой не было места в совершенном мироустройстве. В любом случае, как часто в сказках и мифах, смех разрушил изначальную гармонию мира.

Лишение общего языка может истолковываться как результат вмешательства антагониста. Дьявол сумел посеять раздор среди людей, которых подвиг на строительство Вавилонской башни, а затем взялся за животных: он отнял у них человеческий язык, и с тех пор они издают звуки, понятные только им самим. С этого момента они были вынуждены искать себе оружие и укрытие (немцы Трансильвании) (Petzold 1970: 339).

Однако чаще всего утрата речи, полная или частичная, предстает как божественное наказание за непочтительное отношение к сакральному персонажу. Агни, бог огня, спасаясь от других богов, укрывается в воде. Лягушки осуждают его, и чтобы наказать их, он делает их речь непонятной (северная Индия) (Dähnhardt 1910: 232) (MT A2422.7). Лебедь отказался прославлять Бога, и поэтому он может петь только раз в жизни, перед смертью. Другие птицы, наоборот, наказаны за излишнюю болтливость: сорока своей болтовней мешала Святому семейству прятаться от солдат Ирода, и поныне она трещит без умолку (флам.) (Van den Berg 2000: 119, 148). Слово, некогда имевшее значение, превращается в ономатопоею: овцы, встретившиеся на пути Деве Марии, продолжали восклицать, несмотря на ее протесты: «Вифлеем! Вифлеем!». С тех пор они могут только блеять (Португалия, Испания) (Sébillot 1887: 492; Valriu 2015: 98) (MT A2422.2). Приговор выглядит тем более суровым, если птица, о которой идет речь, изначально была человеком, проклятым за свои проступки. В Монголии дятел когда-то был

⁵ В сказке аборигенов Австралии животные решают вступить в экзогамные браки в нарушение всех правил. Это решение вызвало всеобщую потасовку, и в наказание Великий Дух лишает их общего языка, а птицу-лиру, пытавшуюся их урезонить, наоборот, наделяет даром подражать всем языкам (Turner 1944: 6–7).

коварным слугой пророка Моисея, который лишил его речи в наказание за воровство (Dähnhardt 1910: 232). Так же Бог поступил с пастором, который пренебрегал своими обязанностями: он был превращен в аиста и лишен языка (швед.) (Balzamo 2011: 155).

Человек также способен лишить животное речи. В сказке айнов пес позволяет медведю убить своего хозяина и требует от вдовы, чтобы она вышла за него замуж якобы согласно воле покойного. Женщина бросила ему в пасть пыль, и с тех пор собаки не умеют разговаривать (Dähnhardt 1910: 232)⁶. Звери не хотели следовать за женщиной, когда его жена рожала, поэтому он прогнал их, перестал с ними разговаривать и так лишил их дара речи (племя ахир, центральная Индия) (ТВ А2422.1.1).

На каком языке говорили изначально животные и на каком они говорят сегодня? Природа адамического языка была и остается предметом многовековой полемики, причем предложенные версии и у ученых мужей, и в фольклоре были в основном этноцентричными. Так, например, по мнению шведа Андреаса Кемпе (XVII в.), Бог в раю говорил с Адамом по-шведски, тот отвечал ему по-датски, а змей соблазнял Еву по-французски (Muller 1861: 126). Французский путешественник Жан Шарден сообщает в своем описании Персии, что, по мнению ее жителей, в раю Адам и Ева говорили по-персидски, змей по-арабски, а Гавриил и на том, и на другом языке, но, чтобы до первых людей дошел смысл приказа покинуть рай, он вынужден был прибегнуть к турецкому (Chardin 1711: 32). В рабинической литературе высказывалось также мнение, что только змей говорил на иврите, то есть на языке Адама, а прочие животные изъяснялись на своем собственном (Ginzberg 1997: 216).

В европейском фольклоре лингвистическая атрибуция языка птиц и иных субъектов противоречива: они могут высказываться на местном наречии, на литературном или на иностранном языке, а также выступать полиглотами. Так, в одном из вариантов сказки АТУ 234 «Соловей и медянка» упоминается, что первые люди разговаривали с райскими соловьями на диалекте, и хотя более точное указание отсутствует, можно предположить, что на диалекте Франш-Конте, области фиксации сказки (Thuriet 1892: 539–540). В процитированном начале сказки «Королек» мельничные колеса говорят то по-нижне-, то по-верхненемецки. Тем не менее такого рода детали редко проникают в сказочные тексты. Зато они часто возникают в так называемых «мимологизмах», кратких текстах, интерпретирующих звуки, издаваемые птицами, животными, а также

⁶ Ср. собака лжет, и за это хозяин лишает ее и весь ее род дара речи (индейцы тахлтан, Канада) (Teit 1919: 243).

неодушевленными предметами. Эти короткие тексты представлены в сказочных типах АТУ 106 «Разговор животных», АТУ 204 «Животные попадают в опасность на море», АТУ 211В* «Звери идут в таверну», АТУ 236* «Разные сказки со звукоподражанием пению птиц». Часто они бессюжетны, и их лишь с натяжкой можно причислить к сказочному корпусу.

Птицы и иные субъекты могут изъясняться и на иностранном языке. Во Фландрии, воробей, поживший во Франции, научился отвечать по-французски (Van den Berg 2000: 143–144). В Швеции горлица, наблюдая за распятием Христа, кричит по-гречески: *Kyrie! kyrie!*, ср. начало молитвы *Kýrie êléησον* (Помилуй нас, Господи) (Dähnhardt 1909: 224). В Бретани зарянки говорят на не очень правильной латыни: *Cusse, cusse, cusse, Istine spiritum, sanctum tuum* [Есть десять богов] (вместо *Et in Spiritum sanctum tuum* «и во имя духа святого») (Sébillot 1882: 209). Напомним, что мотив латыни как языка птиц стал одним из сквозных в европейской поэзии со времен трубадуров (Шмитек 2017: 10)⁷. В звоне колоколов бретонцы тоже слышат латынь, что объясняется выгравированными на них латинскими надписями (Giraudon 2011: 274–275). Но птицы владеют не только учеными языками. В Белорусском Полесье считается, что удод говорит на идише, что отразилось и в его обозначении *еврейская/ жидовська зозуля* (Гура 1997: 600).

Некоторые птицы в фольклоре считаются полиглотами⁸. Сойка в болгарской традиции говорит на 77 языках (Гура 1997: 82), подобная репутация закреплена за ней и во Франции: «Сойка, ученый полиглот, но грубая, как ячменный хлеб, ругается как извозчик почти на всех языках» (Vernemouze 1901).

Встречаются и примеры «мультилингвизма», когда колокола вступают в диалог друг с другом, но каждый высказывается на своем родном языке. В Словакии, на границе между словацким и венгерским языками, дискуссия между колоколами отражает и лингвистическую, и социальную ситуацию. Городской колокол поет по-венгерски: *Bùza kenyér! Bùza kenyér!* (Пшеничный хлеб! Пшеничный хлеб!), а из бедной соседней словацкой деревни ему вторит колокол по-словацки: *Žitní chléb, žitní chléb!* (Ржаной хлеб! ржаной хлеб!), а в другой, еще более бедной, колокол жалуется: *Chodzi jaki len bi bolo* (Был бы у нас хоть какой-нибудь хлеб!) (Voigt 1996: 74).

⁷ Ср. например: «Так птицы на своей латыни Молились Богу в старину.» (Мандельштам. «Аббат», 1914–1915).

⁸ Способность птиц, в частности ласточки, говорить на иностранных языках упоминается и в восточнославянских загадках: «по рускі ходило, по німецкі говоріло, «по-татарски лепетало» (Гура 1997: 630).

И наконец птицы, животные и колокола могут говорить на своем собственном языке. В таком случае «мимологизм» приводит звукопись птичьего высказывания и его «перевод». В популярной сказке «Птицы и Христос» вихрь предаёт спрятавшегося от преследователей Христа криком: *Buvik! buvik!* (Он там спрятался! Он там спрятался!). Тогда как куропатка восклицает: *Csincs itt! Csincs itt!*, что на птичьем языке, добавляет рассказчик, значит «Бога здесь нет! Бога здесь нет!» (венг.) (Lammel, Nagy 2006: 377).

Языковой барьер в волшебных сказках и анекдотах

Итак, в этиологических сказках и «мимологизмах» главная тема – разрыв коммуникации с людьми, и пострадавшей стороной предстают не люди, а окружающие их создания. В волшебных сказках мотив языка животных и растений решается иначе. В тех немногих сюжетах, где присутствует языковой барьер между людьми и иными созданиями, возникает необходимость его преодоления. Таким образом перспектива здесь прямо противоположная, чем в этиологическом корпусе: животные предстают обладателями тайного знания, которое оказывается недостижимым для простого смертного, и только отдельные герои получают к нему доступ. Понимание этого особого языка становится либо врожденным, либо благоприобретенным даром. Оно оказывается в центре сказочных типов АТУ 517 «Мальчик, понимающий язык птиц», АТУ 670 «Человек, понимающий язык животных» и более редкий АТУ 670А «Женщина, понимающая язык животных»; приобретению и судьбе этого дара посвящены также АТУ 671 «Три языка», АТУ 672 «Змеиная корона», АТУ 673 «Мясо белой змеи» и некоторые другие.

В этих и некоторых других сюжетах животные и, реже, растения обладают своим собственным языком, иногда общим для всего животного царства, а иногда свойственным только для отдельных видов. У южных славян этот специфический общий язык обозначается как серб. *немушти, немучки, њемушки, немучни језик*, хорв. *петишњи, пијетѝ, тицајне језик*, макед. *темен, немски јазик* (Раденковић 2001: 380, Вајук 2015: 178), то есть чужой, темный, непонятный для непосвященных, или даже хорв. *šutnja* «тишина» (Вајук 2015: 171). Это язык, на котором звери «мычат» (*се немуже*), точно немые. Он может называться и «всяким» языком: юж.-серб. *сваки језик*, сев.-макед. *секакоф*, «несуществующим»: серб. *немањи језик*, «запоминающимся»: макед. *прилепчителен език* (Русић 1954: 20–21, 26).

В сказке «Три языка» таких тайных языков три: птичий (МТ В215.1), собачий (МТ В215.2), и жабий (МТ В215.4). Бранислав Русий, автор единственного исследования «немого» языка в южнославянском фольклоре, указывает самых частых его «носителей»: змеи, скот и домашняя птица, собаки, волки, птицы, чаще всего вороны, орлы, воробьи, голуби, изредка насекомые (муравьи), а также деревья и травы, лес, земля, камни, вода (Русий 1954: 28–29).

Владение языком животных оказывается частью тайного знания, предпосылкой необычайной мудрости, то есть прерогативой избранных. К ним относятся как мифологические, так и исторические персонажи, наделенные сверхъестественным даром. В греческой мифологии язык птиц понимали прорицатели Меламп и Тиресий. Согласно Корану, Сулейман и Давид выучили язык птиц (27:16–19). В *Эдде* Сигурд обрел этот дар, выпив кровь дракона Фафнира (*Völsunga saga*, XX) (МТ В215.1). Этот дар также приписывался историческим личностям: папам Сильвестру II и Иннокентию III, святым Савве и Франциску Ассизскому, шведскому королю Дагу Мудрому.

Если в сказках дар понимания животных оказывается врожденным, то им обладают маргинальные персонажи: колдуны, слепые и под. И приобретает его, как правило, герой низкого статуса (слуга, пастух, нищий). При этом любая попытка занять место маргинала оборачивается неудачей: в сказке АТУ 613 «Два путника» ослепший герой подслушивает разговор птиц или духов и богатеет, обретя тайное знание. Его спутник из миметического желания ослепляет себя, но погибает от рук демонов.

Тайное знание языка птиц и животных герой приобретает, съев змею (МТ В217.1.1) или дракона (МТ В217.1.2), или предмет, принадлежащий им. Мясо белой змеи (АТУ 673) считается наделенным особенной магической силой. В АТУ 672 «Змеиная корона» повар варит такую корону и начинает понимать язык животных (МТ В165.1.2). Согласно славянским и вьетнамским верованиям, змея обладает камнем, который позволяет понять язык животных (Frazer 1888: 171; Гура 1997: 323, 529) (МТ В722). Столь тесная связь между змеей и птицами объясняется античными авторами их мифологическим родством. Плиний цитирует Демокрита, который «называет птиц, от смешанной крови которых рождается змея, и добавляет, что тот, кто съест эту змею, будет понимать разговоры птиц» (Естественная история, X, LXX).

По мнению ряда авторов, употребление змей в сказках объясняется тотемическими и анимистическими верованиями. А для В.Я. Проппа обретение магического дара является частью обряда инициации (Пропп 1998: 312–313). В некоторых традициях считалось, что шаманы или

целители общаются с животными и птицами (Frazer 1888: 82). Так, сказка индейцев крик «Язык животных» начинается с упоминания того обстоятельства, что изначальную способность человека говорить с животными утратили все кроме великого шамана (Swanton 1929: 74).

Некоторые магические растения, такие как цветок или споры папоротника, омела или горец птичий, или волшебная *золотая трава*, также дают доступ к языку животных (МТ В217.1.2), тогда как одно упоминание полыни (чернобыльника) лишает этого магического знания (в.-слав.).

Дар понимания животных и птиц может быть передан волшебным дарителем: мудрецом, сверхъестественным существом или рептилией, (МТ В165, В217). Его можно получить и от Бога (макед.) (Шмитек 2017: 22).

Этот дар может быть наградой за вмешательство героя в спор между птицей и змеей или за спасение ее из когтей птицы. В греческом мифе змея лизнула ухо Мелампа, и он стал понимать, о чем говорят друг с другом птицы и черви, что позволило ему делать пророчества. Другие прорицатели действовали так же (Frazer 1888: 166–167) (МТ В217.5). В славянских сказках дыхание змеи, ее поцелуй, плевок в рот или прикосновение языком к языку героя сообщают ему магические знания (Гура 1997: 89–90, 327). В еврейской традиции благодарная лягушка, которая оказывается сыном Адама и Лилит, дарит позаботившейся о ней паре многочисленные подарки и особые знания: знание Торы, владение 70 языками и языком птиц и животных, секреты целебных трав и под. Это знание в буквальном смысле поглощается: лягушка пишет слова на листке бумаги, который ее благодетель проглатывает (Ginzberg 1997: 89–90) (МТ В165.2; Neuman В217+).

В сказке «Мясо белой змеи» слуга несмотря на запрет съедает волшебное мясо, предназначенное для кого-то другого (короля, колдуна и т.д.), и ему становится понятным язык животных и/или растений (МТ В217.1.1). Но он делится секретом, подслушанным у животных, со своими хозяевами и его наказывают: он теряет свои магические способности, или его убивают. Знание птичьего языка может быть приобретено наоборот путем поглощения героя драконом (греч.) (Пропп 1998: 312).

В сказках знание языка животных — это волшебный дар, которым можно воспользоваться только при определенных условиях. В сказке «Человек, понимающий языки животных», пришедшей из Индии и широко распространенной в Азии и Европе со средних веков, этот дар передает благодарная змея (рыба или старик) (МТ В350, В491.1, В165.1, В216) при условии, что герой никому не откроет свой секрет даже под

страхом смерти (МТ С425). Но он смеется, вслушиваясь в разговор животных, и готов выдать секрет своей любопытной жене. Но, услышав, как над ним насмехается петух (козел), он отказывается от своего намерения, избивает (или убивает) жену. В нескольких версиях сказки из Африки и Америки, как и в некоторых европейских, кавказских и азиатских традициях мужчина нарушает табу, объясняет жене причину своего смеха и умирает. В Индии, Непале и Македонии существует «женская» версия сказки (АТУ 670А): женщина узнает от птиц о спрятанных сокровищах. Некоторые версии заканчиваются убийством женщины ее мужем, который заподозрил ее в колдовстве.

Сверхъестественные знания провоцируют конфликты не только в супружеской паре, но и между поколениями. Они вызывают недоверие, зависть и даже гнев отца юноши, владеющего «тремя языками» (АТУ 671), или того, кто изучил языки птиц в школе (АТУ 571 «Мальчик, который многому научился»), которые толкают его на убийство. В сказке АТУ 671 герой благодаря своему дару узнает, что его изберут папой римским (католические страны Европы, Скандинавии, Восточной Европы и Америки). Обладатель магического дара – идеальная жертва для завистника: чтобы завладеть им, завистник готов на убийство талантливого мальчика ради того, чтобы съесть его сердце и тем самым научиться понимать язык птиц и толковать сны (АТУ 671Е* «Волшебный мальчик»).

В сказках АТУ 517 и АТУ 725 герой толкует королю разговор трех воронов; в «Верном Джоне» (АТУ 516) слуга или друг узнает от птиц об опасности, в которой оказался его хозяин (или друг) (МТ В211.3, В143), и ему удается спасти его. Благодаря знанию языка птиц герой обнаруживает средство или способ для решения трудной задачи (АТУ 567, 613). Дар понимания животных и насекомых (МТ В215.6) делает его обладателя мудрецом не только среди людей, но и среди животных: они просят его разрешать их споры (Сантал, Индия) (Campbell 1892: 23–25) (АТУ 670).

Разговоры животных или птиц, подслушанные героем, открывают ему глаза на его собственные недостатки и проступки. Так, он узнает о своей скорой смерти в наказание за отказ дать приют (АТУ 930* «Предсказание судьбы как наказание»), или понимает, что его животные хорошо питаются благодаря соломе, которую он плохо обмолотил. Он извлекает из этого урок (АТУ 206 «Солома, обмолоченная вторично»).

Тема языкового барьера возникает и в сказках-анекдотах, но здесь она трактуется как нечто естественное и непреодолимое. Говорящие животные здесь редкость, единственное исключение составляют бытовые

сказки и анекдоты про попугая (АТУ 237 «Говорящий попугай», АТУ 1352 «Рассказывающий сказки попугай», АТУ 1422 «Попугай разоблачает измену жены», МТ В.211.3.4; Rosenberg 1964).

В сказке АТУ 1705 «Говорящие лошадь и собака» человек, с которым заговаривают животные, а иногда и предметы, не только не радуется чуду, но приходит в ужас и спасается бегством (МТ В210.1, В211.1.1.1). Чаще же «говорящее» животное оказывается обманом, которому может поверить только простака: так, вор, проникнув в дом, случайно будит хозяина и, чтобы успокоить его, выдает себя за собаку (или кошку) (АТУ 1341А* «Вор как собака»). Обманщик утверждает, что животное может научиться человеческому языку в сказке АТУ 1675 «Бык (осел) бургомистр». В сюжетах АТУ 1750 «Курица учится говорить» и АТУ 1750А «Отправить пса на обучение» трикстеру поручают домашнее животное или птицу, чтобы он взял или передал его (ее) на обучение. Пропажу животного или птицы он объясняет тем же способом, что в уже упоминавшихся этиологических и бытовых текстах: собаку или курицу якобы убили, потому что они разоблачали прелюбодеяние хозяйки или хозяина.

Финал сказки АТУ 1750В «Учить осла говорить» остается открытым. Хитрец Ходжа Насреддин или Тиль Уленшпигель соглашается взяться за эту трудную задачу в надежде, что или осел (пес, теленок, верблюд, слон) или его хозяин умрет до конца контракта. Точно такой же невозможной задачей выступает обучение человека иностранному языку. В шванках трикстер обещает научить простаков чужому языку, например, латыни или французскому и отрезает им язык или заставляет облизнуть горячий утюг (АТУ 1331D* «Обучение латыни», АТУ 1539 «Хитрость и доверчивость», МТ К1068.2).

Таким образом, язык выступает тем маркером, который объединяет или, наоборот, разъединяет царства людей, животных, растений, духов. Если этиологический корпус объясняет утрату интеллигентности мироздания, то волшебные сказки рассказывают о возможности вернуться к ней, но только в определенных условиях и для отдельных избранных. А сказки-анекдоты и бытовые сказки дают нам понять, что понимание другого лишь сладкая иллюзия.

Литература

- ВЭСЛ, 2019, *Восточнославянские этиологические сказки и легенды* / под ред. Г.И. Кабаковой, Москва: Неолит.
- Гримм Якоб, Гримм Вильгельм, 1978, *Сказки* / пер. Г. Петникова, Москва: Художественная литература.

- Гура Александр В., 1997, *Символика животных в славянской народной традиции*, Москва: Индрик.
- Зеленин Дмитрий К., 1915, *Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества*, вып. 2, Петроград.
- Кербелите Бонислава, 2001, *Типы народных сказаний. Структурно семантическая классификация литовских этимологических, мифологических сказаний и преданий*, Санкт-Петербург (<http://www.ruthenia.ru/folklore/kerbelite4.html>).
- Колчин А., 1899, *Верования крестьян Тульской губ.*, «Этнографическое обозрение», кн. 42, №3, с. 1–60.
- Погодин Александр Л., 1895, *Космические легенды балтийских народов*, «Живая старина», вып. 3–4, с. 428–448.
- Пропп Владимир Я., 1998, *Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки*, Москва: Лабиринт.
- Раденковић Љубинко, 2001, *Немушти језик*, [в:] *Словенска митологија*, Белград: Zepher Book World, с. 380–382.
- Рошняну Николае, 1979, *Традиционне формулы сказки*, Москва: Наука.
- Русић Бранислав, 1954, *Немушти језик у предању и усменој књижевности јужних словена : етнологија истраживања о питању тога веровања код нас и у науци уопће*, Скопје.
- Шмитек Змаго, 2017, *Што пеат птиците? За животинскиот говор во јужнословенскиот фолклор*, «ЕтноАнтропоЗум», № 16, с. 8–40.
- Aarne Antti, 1914, *Der Tiersprachenkundige Mann und seine neugierige Frau*, Helsinki: Academia Scientiarum Fennica (FF Communications, vol. 15).
- [ATU] Uther Hans-Jörg, 2004, *The Types of International Folktales: A Classification and Bibliography*, Helsinki: Academia Scientiarum Fennica. 3 vol. (FF communications, vol. 133–135).
- Badalanova Geller Florentina, 2018, *The Primordial Edenic Tongue. Or Why Animals Speak at Midnight on Christmas Eve*, [in:] *Bibel – Israel – Kirche: Studien zur jüdisch/christlichen Begegnung. Festschrift Rainer Kampling*, Münster: Aschendorff, S. 437–446.
- Vajuk Lidija, 2015, *Njemušti jezik u hrvatskoj usmenoj književnosti*, «Научни трудове Пловдивски университет „Паисий Хилендарски”», том 53, кн. 1, с. 169–182.
- Balzamo Elena, 2011, *Contes et légendes de Suède*, 2e éd., Paris: Flies France.
- Basset René, 1926, *Mille et un contes, récits et légendes arabes*, vol. 3, Paris: Maisonneuve.
- Benfey Theodor, 1864, *Ein Märchen von der Thiersprache*, [in:] *Orient und Occident, insbesondere in ihren gegenseitigen Beziehungen*, vol. 2, Göttingen: Dieterichschen Buchhandlung, S. 133–171.
- Beynen G. Kollemans, 1978, *The slavic Animal Language Tales*, [in:] *Internat. Congress of Slavists. American Contributions*, vol. 2, ed. V. Terras, Columbus Ohio, p. 42–47.
- Beynen G. Kollemans, 1990, *Animal Language in the Garden of Eden Folktales Elements in Genesis*, [in:] *Signifying Animals. Human Meaning in the Natural World*, ed. R. Willis, Londres, Boston: Unwin Hyman, p. 43–54.
- Chardin Jean, 1711, *Voyages de Mr. le chevalier Chardin en Perse, et autres lieux de l’Orient*, vol. 5, Amsterdam: chez Jean-Louis de Lorme.
- Campbell A., 1892, *Santal Folk Tales*, London: David Nutt.

- Chaudhury I.Rekha, Srivastava Vartika, 1974, *Folk Tales of Haryana*, New Delhi: Sterling Publishers.
- Dähnhardt Oscar, 1909, *Natursagen: eine Sammlung naturdeutender Sagen, Märchen, Fabeln und Legender*, B. 2, Leipzig, Berlin: B. G. Teubner.
- Dähnhardt Oscar, 1910, *Natursagen: eine Sammlung naturdeutender Sagen, Märchen, Fabeln und Legender*, B. 3, Leipzig, Berlin: B. G. Teubner.
- Dido Andres, 1893, *Contes estoniens*, „Revue des traditions populaires”, t. VIII, p. 485–491.
- El-Shamy Hassan M., 2016, *Motifc Constituents of Arab-Islamic Folk Traditions: A Cognitive Systemic Approach*, Bloomington: Indiana University Press. 2 vol.
- Fourcade Serge, 2004, *Devenir un homme. Le parcours initiatique du héros dans trois contes de tradition orale : Le chasseur adroit (type 304), Le langage des animaux et la femme curieuse (type 670), Les trois langages (type 671/517)*, Thèse: Paris 7-Jussieu.
- Frazer James G., 1888, *The Language of Animals*, „The Archaeological Review”, vol. 1, p. 81–91, 161–181.
- Ginzberg Louis, 1997, *Les legendes des Juifs*, vol. 1, Paris: Cerf, Institut Alain de Rothschild.
- Giraudon Daniel, 2011, *Le trésor du breton rimé. Mimologismes d’oiseaux*, Brest: Emgleo Breiz.
- Janssen Harry, 1888/1889, *Esthnische Märchen*, „Zeitschrift für Volkskunde”, B. 1, s. 314–317.
- Lammel Annamaria, Nagy Ilona, 2006, *La Bible paysanne*, Paris: Bayard.
- [MT] Thompson Stith, 1958, *Motif-index of folk-literature: a classification of narrative elements in folk-tales, ballads, myths . . . romances, exempla, fabliaux, jest-books, and local legends*, Bloomington: Indiana University Press. 6 vol.
- Müller Max, 1861, *Lectures on the Science of Language*, London: Longman, Green, Longman, and Roberts.
- Neuman (Noy) Dov, 1954, *Motif-Index of Talmudic-Midrashic Literature*, PhD, Indiana University (http://folkmasa.org/motiv/noya_m.php).
- Petzoldt Leander (ed.), 1970, *Deutsche Volkssagen*, München: Beck.
- Róheim Géza, 1992, *The Language of Birds*, [in:] A. Dundes (ed.), *Fire in the Dragon and Other Psychoanalytic Essays on Folklore*, Princeton: Princeton University Press.
- Rosenberg Neil V., 1964, *An Annotated Collection of Parrot Jokes*, PhD, Indiana University.
- Sébillot Paul, 1887, *Les pourquoi*, „Revue des traditions populaires”, vol. 2, p. 491–492.
- Sébillot Paul, 1882, *Traditions et superstitions de la Haute-Bretagne*, vol. 2, Paris: Maisonneuve et Larose.
- Simonides Dorota, 2010, *Dlaczego drzewa przestały mówić ? Ludowa wizja świata*, Opole: Nowik.
- Šmitek Zmago, 2013, *Quand toutes les plantes pouvaient parler : la création du monde dans les légendes étiologiques slovènes*, [in:] *Contes et légendes étiologiques dans l’espace européen*, Paris: Pippa, Flies France, p. 147–156.
- Stow George William, 1905, *The Native Races of South Africa. A History of the Intrusion of the Hottentots and Bantu into the Hunting Grounds of the Bushmen, the Aborigines of the Country*, London: S. Sonnenschein & Co.; New York: Macmillan Co.
- Swanton John, 1929, *Myths and Tales of the Southeastern Indians*, „Bureau of American Ethnology Bulletin”, vol. 88, p. 1–275.
- Teit J., 1919, *Tahltan Tales*, „Journal of American Folklore”, vol. 32, n° 124, p. 198–250.

- [TB] Thompson Stith, Balys Jonas, 1958, *The oral tales of India*, Bloomington: Indiana University Press.
- Thuriet Charles-Emilien, 1892, *Traditions de la Haute-Saône et du Jura*, Paris: E. Lechevalier.
- Turner Robert, 1944, *Australian Jungle Stories, Legends of the Aborigines*, Sydney: The Boy Scout's Association.
- Valriu Caterina, 2015, *Contes et légendes d'Espagne*, Paris: Flies France.
- Van den Berg Marcel, 2000, *Contes et légendes de Flandre*, Paris: Flies France.
- Vernemouze Arsène, 1901, *Le Verbe animal*, „La Croix cantalienne”, 1er décembre.
- Voigt Vilmot 1996, *Le langage des cloches en Europe*, [in:] *Cloches & sonnailles: Mythologie, ethnologie et art campanaire*, Aix-en-Provence: Edisud, p. 73–76.

Streszczenie: Język i mowa, komunikacja lub jej odrzucenie rzadko są traktowane jako odrębny temat w badaniu baśni. Motyw języka zwierząt w baśniach został zbadany lepiej niż inne. Jednak zwierzęta, rośliny, zjawiska meteorologiczne i przedmioty kultury wypowiadają się nie tylko w bajkach magicznych, ale także w innych rodzajach baśni – przede wszystkim w baśniach zwierzęcych, w bajkach-anegdotach i bajkach ajtiologicznych. Autorka artykułu stawia sobie za zadanie prześledzenie, w jaki sposób motyw języka jest rozwijany w różnych typach baśni.

Słowa kluczowe: bajka; komunikacja; język zwierząt, roślin i przedmiotów